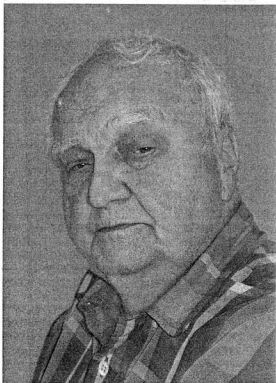

АКАДЕМИК ВЯЧЕСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ ИВАНОВ

(К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Фотоанаграмма Светланы Ивановой

Заметно, что даже те, кто не считает себя его прямыми учениками и последователями, всё равно в той или иной степени испытывают на себе его влияние, хотя бы они этого или не хотят. Даже те, кто относится к нему с недоброжелательной завистью (а такие тоже есть), всё равно не могут выйти из-под его личностного воздействия.

Исследователи и мыслители вообще (не знаю, писал ли кто-нибудь об этом специально) бывают – как и объекты исследования – многоуровневыми. Поэтому случается, что человек, блестяще проработавший и описавший некий один уровень, не может перейти на другой, но может продолжать свою разработку все дальше и дальше. Он остается прекрасным специалистом, но плоским. Это вопрос плоскости и многомерности.

Однако культура (цивилизация?) – вещь единая и потому внутри себя требует прекрасного знания всех ее измерений, сопоставления их, с одной стороны, и интерпретации этого (этих) сопоставлений – с другой. Людей безмерно широкого кругозора и свободной ориентации в бесчисленных лабиринтах пространства культуры мало. Их принято называть людьми Возрождения. Одномерно ориентирующихся homo sapiens значительно, больше.

Между тем культурологические связи могут реализоваться в виде сопоставляемых образов, впечатлений, и такое сопоставление имеет право быть несколько распылчатым и неясным по очертаниям. И тут можно сказать, что способность оперировать сопоставляемыми образами дается не каждому. Здесь нужно глубоко и эмоционально проникаться элементами культуры, переживать их и носить в своей душе.

Вячеслав Всеволодович Иванов именно таков. С юных лет, с начала 50-х, когда мы стали слушать его лекции, его, аспиранта, по сути юноши, но уже воспринимавшегося как мэтра, широта его знаний и легкость ассоциаций поражала. Создавалось впечатление, что Судьба его лепила заранее и многое продумывала наперед. Прежде всего удачным было само его рождение в настоящей культурной и художественной среде. Здесь все складывалось воедино: отец – известный писатель, много знающий сам и многим интересующийся, безусловно оказавший и оказывающий до

“Гром пушек на Сенатской площади разбудил целое поколение”, – писалось о декабристах. Но Вячеслав Всеволодович Иванов один, с самой своей юности, оказал и оказывает влияние не на одно, а на многие и многие поколения филологов и, вообще, людей культуры.

Как человек, знающий его и учившийся у него в течение шестидесяти лет, я считаю своей задачей прежде всего представить Вячеслава Всеволодовича как личность, а не описывать детально все его труды (одних только публикаций у него – более 1500, не считая того, что осталось в рукописных сочинениях) и не перечислять все высказывания о нем – а написано о нем очень много¹.

¹ Читатель, желающий более подробно ознакомиться с трудами и биографией Вячеслава Всеволодовича Иванова, может обратиться, например, к его Библиографии

(М.: “Наука”, 2007), открывающейся большой вступительной статьей С.А. Крылова.

сих пор, посмертно, – своими трудами, – огромное влияние на сына; мать-красавица, бывшая актриса театра Мейерхольда, знающая языки и читавшая маленькому сыну великие книги, старшая сестра Таня, увлекавшаяся восточными языками, некоторые из которых (например, хинди и урду) она хорошо знала, много читавшая, рассказывавшая младшему брату о Джойсе и Валери; старший брат Миша, ставший впоследствии известным художником, чей вкус влиял на маленького Кому. Это была именно семья, а не далекие родственники, хотя формально и близкие. Он часто бывал на даче с большим и красивым участком, хотя само строение меняло облик – из-за пожара и из-за времени. До сих пор на их дачу стекаются живые, интересные люди. Влияла и его детская болезнь, заставлявшая его с шести до десяти лет лежать и читать, читать, проглатывая всё более сложные книги, тогда как мальчики его возраста и даже старший брат играли в волейбол, в теннис. Все это – и сложность его детского мира, какая бывает в таких случаях, – формировало из него уникальную личность. В течение десятков лет Вячеслав Всеволодович стремился к тому, чтобы не быть в сознании людей “сыном Всеволода Иванова”, а оставаться неповторимой личностью, в сущности, мало объяснимой генетически. Однако и внешне, и глубинное влияние отца не покидало его никогда. Он все-таки был “сыном Всеволода Иванова”.

Некоторая необычность его внешности: что-то в духе позднего римского патриция, оказалась совпадающей именно с людьми той же бездонной широты знаний и интересов. Так, уже в юности он был похож на Сергея Эйзенштейна и сходство это отмечали многие. Недавно я вдруг случайно прочитала, что именно таков был внешне и Фома Аквинский. Наверное, есть еще выдающиеся люди такого внешнего типа.

Будучи человеком уникальным, Вячеслав Всеволодович, однако, находил людей, близких себе по духу и устремлениям. Так, со второго курса университета его связывала многолетняя дружба и со-творческие изыскания с Владимиром Николаевичем Топоровым; их многочисленные совместные книги и статьи стали, по сути, классическими. Движущей научной силой их совместных устремлений были две тенденции: сопоставление и реконструкция.

Классической стала и двухтомная книга, написанная им совместно с академиком Тамазом Валериановичем Гамкрелидзе, мимо которой не проходит ни один индоевропеист, как начинающий, так и маститый. Это – “Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-ти-

пологический анализ праязыка и пракультуры” (Тбилиси, 1984, английский перевод – 1995).

Одно только перечисление книг Иванова заняло бы весь возможный объем настоящей статьи, достаточно только упомянуть семь увесистых томов его собрания сочинений, выпущенных издательством “Языки славянской культуры” начиная с 1998 по 2010 год.

Последняя его монография “От буквы и слога к иероглифу. Система письма в пространстве и времени”, 2013 г., вышла всего несколько месяцев тому назад. Из прежних можно упомянуть хотя бы “Славянский, балтийский и раннебалтийский глагол” (М.: “Наука”, 1981) и “История славянских и балканских названий металлов” (М.: “Наука”, 1983).

Великий и немощный Стивен Хокинг в одном из своих недавних интервью сказал: “Человек – существо любознательное. Он задает вопросы и ищет ответы. Но ответы эти дает не философия. Его дает наука”. По этому пути и пошел Вячеслав Всеволодович Иванов.

В юности он мечтал быть поэтом, писал стихи и переводил стихи самых лучших поэтов и – с самых разных языков. Его стихи публиковались в разное время в российских журналах, а в 2005 году вышел специальный сборник (“Стихи разных лет”, издательство “Радуга”). Переводил Иванов в основном с французского языка, а также с английского и испанского. Не обошел он как переводчик и стихи польские, украинские, датские и немецкие (например, Целана). Переводил он и древнейшие тексты: с хеттского, хаттского, угаритского и тохарского.

Диплом Иванов писал по современному английскому языку, однако, и это нужно отметить, примеры были им взяты из текстов тех английских писателей, которые всячески изгонялись нашей советской критикой.

После окончания университета появился на свет уже тот знаменитый Иванов, которого мы сейчас чувствуем. Начался путь Иванов-лингвиста. В эти годы укрепился в науке круг молодых, талантливых и по-новому глядящих на филологию ученых, в который, прежде всего, входил Вячеслав Всеволодович. Это было новое поколение студентов, подружившихся на втором курсе университета, – теперь это прославленные имена Владимира Николаевича Топорова, Павла Александровича Гринцера, Татьяны Яковлевны Елизаренковой, Татьяны Вячеславовны Булыгиной.

В 1955 году состоялась блестящая защита кандидатской диссертации Иванова, по которой было принято решение о присуждении доктор-

ской степени. Публикация об этой защите вместе с фотографией Вячеслава Всеволодовича была помещена в "Вечерней Москве". (Трагическая история этой "докторской" тоже многократно описана.) Вскоре Иванов стал заместителем Главного редактора журнала "Вопросы языкознания" и, по сути, поднял журнал, сделал его подлинно научным. В 1957 г. молодой ученый едет в Осло на Международный лингвистический конгресс с докладом, который обращает на себя внимание международно знаменитых лингвистов, прежде всего Э. Бенвениста и Е. Курлиловича. В 1958 г. их совместный доклад с В.Н. Топоровым о балто-славянских отношениях стал событием на IV съезде славистов в Москве.

Обо всем, что связывает жизненный путь Иванова-ученого и поэта Пастернака, писалось уже достаточно. Хочет сказать, что и в этот раз, и позднее, когда блестящий путь вдруг – как в сказке – преграждался некими зловыми противостоящими силами, Вячеслав Всеволодович, человек очень большой с детства (характерно, что он не выносит участливых вопросов о здоровье и в этих случаях только раздражается), проявлял фантастическую стойкость и твердость духа, сочетающуюся с готовностью перейти к новым темам, заняться новыми областями науки. При таком подходе сфера научных изысканий разрастается сама собой. Поэтому Иванов не перестал писать стихи, не перестал заниматься индоевропеистикой, не перестал интересоваться происхождением Вселенной и строением человеческого мозга. Как и многим другим. Будучи индоевропеистом, он всячески приветствовал и появившиеся неорациональные идеи, всячески поддерживая не только В.М. Иллрича-Свитыча и В.А. Дыбо (именно Вячеслав Всеволодович настоял на том, чтобы никому не известного юношу, по письму учителя из Горьковской области, приняли в аспирантуру, когда кафедра решила ему в этом отказать). Ценил он и безмерно талантливого С.А. Старостина, к сожалению, рано умершего.

Такой подход ко многому обязывает. Быть на высоте современного состояния науки в тех областях, которыми начал заниматься двадцать, десять, даже пять лет тому назад, чудовищно трудно, и потому, как пишет сейчас из Лос-Анджелеса его жена, Светлана Леонидовна, "он не встает со стула".

Пожалуй, отправной точкой его научного подхода является сопоставление. *Comparaison n'est pas raison*, говорят французы. И, действительно, здесь нельзя останавливаться на полумерах. Настоящее сопоставление требует знаний в разнообразных сферах и неизбежно ведет к глубокой реконструк-

ции. Иначе говоря, сопоставляя X и Y, мы должны увидеть некий Z, стоящий за этим сопоставлением. Метод сопоставления применялся Вячеславом Всеволодовичем и к объяснению текста через рисунков, как, например, он это сделал, анализируя стихотворение В. Хлебникова "Меня проносят на слоновых...". Неожиданным было и определение Иванова происхождения слова и человека *иниш-франции* в "Петербурге" А. Белого: это диалектное коптское слово, обозначающее дьявола.

Не оставляя индоевропеистику, которая всегда была его неизменным спутником, Иванов во второй половине 50-х начинает (вместе с П.С. Кузнецовым и В.А. Успенским) руководить семинаром по применению математических методов в лингвистике. В 1959 г. он стал председателем Лингвистической секции Научного совета АН по кибернетике. Советом руководил академик и адмирал Аксель Иванович Берг, фигура необыкновенно яркая и для филологов непривычная. Помню, как он однажды сказал: "Скажите, кто вам мешает заниматься новой лингвистикой – и головы полетят". Именно в эти годы (1959–1961) Иванов стал руководителем группы машинного перевода в Институте точной механики и вычислительной техники АН СССР.

Позднее Иванов стал интересоваться нейрофизиологией, локализацией языковых операций в различных участках мозга, различиями в функционировании правого и левого мозговых полушарий. Об этом написана его известная книга "Чёт и нечет" (1978).

Как справедливо пишет С.А. Крылов, "зоркий глаз Иванова всегда стремится выделить те ростки, которым суждено развиваться в будущем" (см. указ. соч., с. 30). Такими "провокативными" идеями пронизаны их с В.Н. Топоровым попытки реконструировать мифопоэтические тексты древности. Многие их построения мы находим в двухтомном труде "Мифы народов мира" (1982), получившем Ленинскую премию. Здесь, в первую очередь, нужно упомянуть две их совместные книги: "Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период)" (1965) и "Исследования в области славянских древностей" (1974). Очень жаль, что это направление как-то не получило в российской науке пышного развития и соответствующие исследования сводятся в основном к структурам синхронного плана. Однако, несомненно, что известная книга К. Уоткинса "How to kill a dragon?" (1995) написана под большим влиянием работ В. Иванова и В. Топорова.

Естественно, что глубокая реконструкция сопоставляемых антропоцентрических систем привела

Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова к семиотике, к общей теории знака, развиваемой ранее (впрочем, несколько безответно, Ч.С. Пирсом, Ч. Моррисом, Ф. де Соссюром и школой А. Греймаса)². Логически естественным был поэтому "Симпозиум по структурному изучению знаковых систем" (1962), наделавший вокруг себя столько шума и вызвавший много гонений. Именно Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров были теми, кто стремился не описывать архаические и фольклорные тексты, а разгадывать их скрытое содержание, понять их внутреннюю символику.

Однако Иванов продолжал развивать семиотическую школу в российской науке. Он был одним из создателей широко известных "Трудов по знаковым системам" (1962–1992); позднее, уже в Америке, издавал семиотический журнал "Elementa" (1993–2000). К этому направлению примкнул и известный литературовед, профессор тартуского университета, Ю.М. Лотман, так что сфера семиотических исследований сильно расширилась. Расширились и семиотические интересы Вячеслава Всеволодовича, обратившегося к семиотике кино (фильмы и труды С.М. Эйзенштейна), семиотике художественных текстов и культурных феноменов, например, к исследованию карнавала (последняя линия, конечно, продолжала идеи М.М. Бахтина).

Будучи и сам знакомым с юности с многими поэтами и писателями, прежде всего с Б.Л. Пастернаком, очень близким к семье Ивановых, Вячеслав Всеволодович целый ряд своих исследований посвятил выявлению тонкой структуры поэтической техники и раскрытию глубинной семантики – в духе московской школы структурного анализа текста – отдельных стихотворных произведений. Он пишет не только о современниках – Пастернаке, Самойлове, Бродском, Липкине, Шилейко, но и о поэтах XVIII и XIX века – о Пушкине, Державине, Ломоносове и других. Прежде всего здесь хочется отметить многократно перерабатывающийся и разрастающийся в объеме анализ стихотворения Пастернака "Бабочка – буря". С таким же вниманием и тщательностью отнесся Вячеслав Всеволодович к анализу стихотворения В. Хлебникова "Меня пронесят на слоновых...".

Иванова интересовал не только семиотический анализ стихотворений, он обратил внимание и на метрику Бродского, возвращающую к старорусскому стихосложению, к эпохе многосложных промежутков.

² Более подробно о становлении и развитии Московской семиотической школы см. в книге "Из работ Московского семиотического круга" (М.: ЯСК, 1997), ответственный редактор и автор вступительной статьи Т.М. Николаева.

Эта необычайная широта научных интересов Вячеслава Всеволодовича Иванова может казаться чрезмерной. Между тем, Информационное поле, открывающееся и раскрывающееся для нас в трудах исследователей всего мира, представляет собой густо переплетенную грибницу, и потому, ступив на одну точку, ученый неизбежно устремляется в контактные зоны. Поистине прав был Владимир Николаевич Топоров, написавший в свое время статью под названием "Не нужно путать ученого со специалистом".

Собственно научные интересы Вячеслава Всеволодовича с аспирантских лет сочетается с преподаванием, которое он очень любит и читает курсы, спецкурсы, лекции с большой охотой, выступая в любое время и практически не щадя себя. И речь идет не только о публичных выступлениях. Могу с гордостью сказать, что наше поколение было практически первым для него – юного преподавателя. С 1953–1954 года мы – Андрей Зализняк, Лена Падучева, Игорь Мельчук, Руфь Агеева, Лена Сморгунова, я и другие (возможно, я кого-то не помню) – с восторгом слушали в МГУ его лекции по индоевропеистике и занимались с ним хеттским. Несмотря на неоднократные препоны, за нами шли и идут другие. Сейчас весь осенне-зимний период его курсы достаются студентам лос-анджелесского университета, и им можно только позавидовать. В настоящее время у нас, в России, очень чувствуется отсутствие продолжительных курсов именно такого всезнающего, всеохватывающего, широкого и в то же время – если нужно – узкого специалиста. Сидя практически тридцать лет подряд с ним за соседним столом – как в Институте точной механики и вычислительной техники РАН, так и в Институте славяноведения РАН, – я всегда поражалась той точности, с которой он читал тексты на самых древних языках Евразии, когда к нему приходили на консультации.

В скором времени Иванов начал расширять сферу преподавания. Он читал лекции в Московском государственном институте иностранных языков, на кафедре теории и истории мировой культуры философского факультета МГУ, в Институте мировой культуры МГУ, для сотрудников "Русской антропологической школы" РГГУ. С 1989 г. он – американский профессор: с 1990 по 2001 г. он – профессор кафедры славянских языков и литературы Университета Стэнфорда. С 2001 г. по настоящее время он преподает в Университете Лос-Анджелеса (UCLA). Регулярно приезжая в Москву в период с мая по сентябрь, он выступает с докладами и читает лекции во многих научных сообществах, можно сказать, безвылазно. Преподавать, истинно по-культуртрегерски, он любит.

И грех тут лежит на Московском университете, так легко бросившего замечательного преподавателя и никогда по-настоящему его не вернувшего.

Третьей особенностью Вячеслава Всеволодовича можно считать его организаторскую деятельность. Трудно даже перечислить созданные им институции, трудно назвать те должности – заведующего, директора, научного руководителя, – которых многие крупные ученые по-ханжески старались всегда избегать, руководствуясь принципом “то ведают бояре”.

Прежде всего нужно сказать о его работе заведующего сектором (позднее – отделом) структурной типологии (сейчас – типологии и сравнительного языкознания) Института славяноведения РАН, где я имею счастье работать с 1960 г. и быть ученым секретарем с 1974 по 1989 год (и заведующим Отделом с 1990 по 2012 г.). И сейчас он – главный научный сотрудник этого отдела. До этого Вячеслав Всеволодович с 1959 по 1961 год руководил группой машинного перевода в Институте точной механики и вычислительной техники АН СССР. Благодаря также и его активному участию 6 мая 1960 г. Президиум АН СССР принял постановление “О развитии структурных и математических методов исследования языка”. Именно по этому постановлению были созданы структурные подразделения в Институтах РАН и соответствующие отделения в университетах Ленинграда и Москвы (то есть, ОСИПЛ / ОТИПЛ). В 1987–1989 гг. он Председатель Московского лингвистического общества. В 1989–1991 – Народный депутат СССР от Академии наук СССР. В 1991 г. избран депутатом Верховного совета СССР последнего созыва. В 1989–1993 годах Иванов – директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомин. С 2003 г. – директор Института “Русская антропологическая школа” Российского государственного гуманитарного университета. (Честно скажу, что я перечислила далеко не всё). Вячеслав Всеволодович все возможные сложности, служебные “неприятности” всегда брал на себя, поэтому жизнь под его началом казалась легкой.

Фантастически гигантская сфера его интересов, широта его знаний во многом объясняются очень просто: гигантскими знаниями общего характера. И они у него работают активно. Им движет и желание поднять старую культуру, заставить ее увидеть и поселить рядом с нарождающимся новым.

Поэтому молодым ученым нужно приобретать эту общечеловеческую культуру с детства, а приобретать профессиональные знания их все равно заставит жизнь.

Иванов не любит расписывать ставившиеся ему препоны и свои недомогания. И, прямо сказать, он – ученый признанный. И знаменитый. Он действительный член РАН, почетный член Американского лингвистического общества, член Британской академии, член Американской академии науки и искусства, иностранный член Хорватской академии науки искусств, член Американского философского общества, член Союза писателей РФ, действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), член Академии наук Латвии (список можно продолжить. – *Т.Н.*). Он лауреат Ленинской премии за монографию “Индоевропейский язык и индоевропейцы” (совместно с Т.В. Гамкрелидзе), лауреат Государственной премии за участие в работе над энциклопедией “Мифы народов мира”. Награжден орденом Великого князя литовского Гедиминаса за работы по балтистике; ему присуждена премия Президента РФ в области литературы и искусства РФ (2003) за выдающийся творческий и научный вклад в художественную культуру России.

Молодой Вячеслав Всеволодович был очень похож на Пьера Безухова. Сейчас он приобрел облик спокойного и задумчивого аксакала, умудренного жизнью и глядящего на нее со стороны. Но это не так; он необыкновенно пронзителен и быстрота его реакций поразительна: как мне кажется, сказывается тут его кровь Востока.

Можно подумать, что Иванов настолько занят, что не очень внимателен к окружающим. Это не так. Совсем недавно, например, он очень много внимания уделил организации юбилея археолога Н.Я. Мерперта, с которым был вместе на археологических раскопках в Болгарии.

Нет, он внимателен к тем, кто искренне любит свои изыскания и приходит к нему за советом или консультацией. Случалось видеть, как терпеливо и вдумчиво, сидя в стенах Института Славяноведения РАН, он выслушивал поэтов-неудачников, бойких юношей, мянущих себя полиглотами, любителей-теоретиков современной кинематографии или обидчивых гениев, прочитавших Фестский диск или открывших древнюю русскую азбуку в старых монетах. При этом у Иванова не чувствуется никакого мелкого и не аристократического снобизма.

Вячеслав Всеволодович как-то сказал, что надо жить очень долго. – Почему? – Потому что впереди ждет столько интересных открытий.

Поэтому мы его любим.

И пожелаем юбиляру многих долгих творческих лет.

Т.М. Николаева